

Слово о полку Игореве.

Перевод И.А. Новикова

Запевка о Бояне

Не ладно ли было бы,
Братия,
Песню нам начать —

Ратных повестей
Словесами старинными —
О полку Игореве,
Игоря Святославича?

Нет, начаться же песне той
Былями нашего времени,

А не по замыслению
Боянову.

Если вещей Боян

Кому хотел песнь творить,
То носилась мысль его —
Летущею векшей по дереву,

Серым волком по — земли,

Сизым орлом под облаки;
Пел, вспоминал
Начальных времен
Усобицы.

И пускал тогда он
Десять соколов
На стаю на лебединую:
Досягнет сокол до лебеди —
Та и песнь поет первая:

О старом поет Ярославe;
О храбром Мстиславe,
Что зарезал Редедю
Пред полками касогов,
О красном Романе
О Святославиче.

Но Боян — то,
Братия, —

Он пускал не десять соколов
На стаю на лебединую:
Он персты свои вещие
На живые струны клал —

И струны те сами
Славу князьям
Рокотали.

Игорь готовится
к походу

Так почнем же,
Братия,

Повесть сию —

От Владимира старого
До нынешнего Игоря,
Что опоясал ум
Крепостию своею
И изострил его
Мужеством сердца,
И, ратного духа исполнившись,
Направил полки свои храбрые
На землю на Половецкую —

За Русскую Землю.

И на светлое солнце тогда
Игорь воззрел,
И видел,
Как тьмой от него
Все его войско
Прикрыто.

И сказал Игорь
Дружине своей:

О братия

И дружина моя!

Лучше убиту быти,
Нежели полонену быти.
А воссядем,

Братия,

На своих борзых коней
Да поглядим
Синего Дону!".

И запала охота
Князю на ум,

И самое знамение

Заслонилося в нем
Жаждою —

Испытать великого Дону.
И сказал:

Хочу копие

преломить

На конце половецкого поля,

С вами, о Русичи!
И хочу я —

Либо главу свою положить,

А либо шеломом испить
Дону”.

О Боян,

Соловей старого времени!
Кабы сам ты
Походы те,

Перстами бряцая,
Воспел, —

Скача, соловей,
По мысленну древу,
Летая умом
Да под облаки,

Свивая вокруг сего времени
Славу,

Рыща тропюю Троянскою
Через поля,
Да на горы!

Так бы песнь
И для Игоря спеть —
Олегова внука:

То не буря

Занесла соколов
За поля
За широкие:
То, знать, галки
Стадами бегут
К Дону великому...”.

А не так ли бы
Надо было воспеть,
О вещий Боян,
О Велесов внук:

Кони ржут за

Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новгороде,
Стяги в Путивле стоят...".
Игорь и Всеволод
выступают в поход

Игорь милого брата ждет —
Всеволода;

И сказал ему
Буй — тур Всеволод:

Один брат, один

свете — светлый —
Ты, Игорь!

Оба мы — Святославичи!
Седлай, брат,

Своих борзых коней,
А мои уж готовы,

У Курска оседланы —
Наперед твоих.
А мои — то куряне —
Ратники бывалые:
Под трубами повиты,
Под шеломами всхолены,
Концом копия вскормлены:
Пути им ведомы,
Родники по оврагам знаемы;
Луки у них натянуты,

Колчаны отворены,
Сабли изострены;
Сами скачут,

Будто серые волки по полю,
Князю славы ища,
Чести — себе".

И вступил Игорь — князь
В злат — стремя тогда
И поехал по чистому полю.

Тьмою солнце ему
Путь заступало;

Ночь, стеная,
Грозою —

Птиц пробудила;

Свист звериный
Восстал.

Див встрепенулся,
С дерева кличет,
С самого верху —
Велит послушати
Земле неизвестной:

Волге и Поморию,
И Посулию,
И Сурожу,
И Корсуни,
И тебе,
Тмутороканский болван!

А половцы

Дорогами ненаезженными
Побежали к Дону великому;
Телеги в полуночи

Криком кричат —
Скажи:

Лебеди распуганные!
Игорь к Дону войско ведет.

Уже беды его по дубовью
Птицы пасут;

Волки по оврагам
Накликают грозу;

Клектом на кости орлы
Зверье зовут;

На багряный щит
Брешет лиса...

О Земля моя Русская!
Уже позади —
За курганом ты!

Долог мрак ночи.
Свет заря задержала.
Поле туманы покрыли.
Щёкот соловий затих,
Галочий говор
Проснулся.

Русичи
Поле великое
Щитами багряными

Прегородили:
Князю славы ища,
Чести — себе.

Первый день битвы.
Ночной отдых
и новый бой

Утром в пятницу рано
Потоптали поганое
Половецкое войско;
И, рассыпавшись стрелами по полю,

Красных дев половецких —
Помчали...

А с ними и злато,
И паволоки,
И оксамиты драгие.

Епанчами да покрывалами,
Да кожухами,
И иными узорочьями
Половецкими —
Стали мосты мостить
По болотам, по грязи.
Багрян стяг,
Бела хоругвь;
Багрян бунчук,
Серебряно древко —
Храброму Святославичу!

Дремлет в поле
Олегово
Хороброе гнездо:
Залетело далече!
Не было оно
Обиде обречено:
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе,
Черный ворон,
Половчанин поганый!

А уж Гза серым волком бежит,

Кончак ему след указывает —
К Дону великому.

А на другой день по утру
Ранним — рано
Кровавые зори
Возвещают рассвет;
И черные тучи
Надвигаются с моря
И прикрыть хотят
Все четыре солнца —
А трепещут в тех тучах
Синии молнии:
Быть грому великому!
Итти дождю стрелами
С Дона великого!
И копиям
Преломиться тут,
И саблям

Потупиться тут
О шелома о половецкие
На реке на Каяле,
У Дона великого.

О Земля моя Русская!
Уже позади —
За курганом ты!

И ветры,

Стрибожии внуки,
Стрелами с моря веют

На храбрые полки
Игоревы.

Земля гудёт,
Реки мутны текут,
Пыль поля прикрывает,
Шелестят,
Развеваются стяги:
То половцы идут от Дона,
Идут от моря,

И русские полки обступили —
Кругом.
И поля преградили:
Дети бесовы —
Кликом,
А храбрые русские —
Щитами багряными.

Яр — тур Всеволод!

Стоишь, отбиваясь,
Прыщешь на воинов стрелами,

Гремишь о шеломы
Мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
Златом шелома посвечивая,
Там и ложатся
Поганые
Половецкие головы...
Каленою саблей расколоты
Шеломы оварские —
Тобой,
Яр — тур Всеволод!

О ранах ли думать,

Братия,

Тому,
Кто и сан забыл,
И жизнь забыл,
И город Чернигов свой,
И отчий злат — престол,
И милой жены своей —
Красавицы Глебовны —
Свычай да обычай!
Воспоминание
о походах
Олега Святославича

Были сечи Троянские,
Минули годы Ярославовы;
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.

Тот Олег

Мечом крамолу ковал,

Засевал землю стрелами:
Как ступит, бывало,
Во злат стремя
В Тмутаракани — городе, —
Там уж слышал тот звон
Великий и древний
Ярославов сын Всеволод,
А Владимир в Чернигове
Всякое утро
Уши себе закладал.
А Бориса Вячеславича,
Молодого князя и храброго,

Слава на суд привела
И наказала:

Ниву зеленую,

Как саван, постлала,
За обиду Олегову.

Да и с той же Каялы
Князь Святополк
Повелел отца своего
Между иноходцами
Угорскими
Ко святой Софии
В Киев повезть.

Так было втапоры,
При Олеге Гориславиче:
Сеялось и возрастало
Усобицами
И погибало в них
Достояние
Дажбожьего внука:

В княжьих крамолах

Век человеческий
Укорачивался.

И по Русской земле тогда
Редко пахари
Перекликались,
Но часто зато
Граяли враны,
Трупы между собою деля;
Да и галки
По – своему переговаривались:
Куда б полететь на еду?

Так было и в сечи те,
И в походы те,
А такого боя
Не слышано.
Поражение русских
и великая печаль

русской земли

От раннего утра до вечера
И от вечера до света
Летят стрелы каленые,
Сабли о шеломах гремят,
Копия трещат булатные, —
В поле неизвестном,
Среди земли
Половецкой.

И черная земля
Под копытами

Костями была засеяна,
А кровию полита:

Кручиною они повсходили
По Русской земле.

Что мне шумит,
Что мне звенит —
Там, далече,

Перед зорями, рано?
То Игорь полки
Поворачивает:

Жаль ему милого брата —
Всеволода.

Бились так день,
Бились другой,
А к полудню на третий день

Пали знамена
Игоревы.

Тут — то братья между собой
И разлучилися —
У быстрой Каялы
На берегу.

И вина кровавого тут
Недостало;

Тут и пир тот dokonчили
Храбрые русичи:
Сватов напоили,

А сами легли
За Русскую землю.

Никнет трава от жалости,
А дерево с кручиною
К земле приклонилось.

Так — то,
О братия,

Невеселая година настала,
Ратную силу
Пустыня прикрыла.

Поднялась Обида
В силах Дажбожия внука,
Девой вступила
На землю Троянскую;
Крылом лебединым
Всплескала —

На море синем

У Дону;

И, плещучи так,

Тоску пробудила
О довольстве былом:
Между князьями усобица,

Нам же поганые —
Гибель!

Ибо стали брат брату:

Это мое!

А то — тоже мое!"

Говорить.
И стали про малое

Молвить князья:

Это великое!".

И начали сами себе
Крамолу ковать,

А поганые
На Русскую землю

Со всех сторон приходили
С победами!

О, далече сокол зашел,
Птиц бия
К морю!

А Игорева храброго полку
Не воскресить!

И по Русской земле
Горе вскричало,
И понеслись

Скорбные вести

И жалобы —

От одного человека
К другому;

И были уста людей
Горячи,

И скорбь, как смола,
Прикипала на них.

Русские жены восплакались,
Так причитая:

Уж как нам

своих милых,
Любимых —
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами увидеть,

А злата и серебра
И вовсе не нашивать!".
И восстал,
Братия,

Киев кручиною,
А Чернигов напастями,
И тоска разлилась
По Русской земле,
И густая печаль течет
По земле Русской.

А князья сами себе
Крамолу ковали.
А поганые сами,
С победами рыская
По Русской земле,
Дань взимали:

Со всякого двора —
Белку.

Так — то двое они,
Игорь да Всеволод,
Храбрые Святославичи,
Самовольством своим
Старое лихо
Вновь пробудили,
А его усыпил было
Их отец Святослав,
Грозный, великий
Князь Киевский.

Грозою —
Притрепал он поганых

Полками могучими,
Мечами булатными,
Наступил на землю
Половецкую;
Притоптал там
Холмы и овраги,
Возмутил
Озера и реки,
Иссушил
Потоки, болота...

А Кобяка поганого
Из лукоморья,
От железных, великих
Полков половецких,
Словно вихрь, отторг.
И пал Кобяк
В граде во Киеве,
В гриднице Святославовой.

Тут немцы
И венецейцы,
Тут и моравцы,

И греки
Славу поют Святославову,
Осуждают, жалея,
Игоря князя,
Что погрузил добро,
Русского злата насыпавши

На дно половецкой
Каялы — реки.

Тут и Игорь — князь
Из золотого седла пересел
На рабье седло.
Сон Святослава
и беседа его
с Боярами

И уныли стены
Городские,

И веселье в городах
Поникло,

Смутный сон приснился
Святославу

В городе во Киеве —
На горах.

В ночь сию, с

вечера
Одевали меня
(Так говорил)
Саваном черным
На кровати из тиса —
Красного дерева;

И вино мне черпали —
Синее,

С горечью смешанное;
Из тощих колчанов
Поганых толковников,
Переводчиков —

Скатный сыпали жемчуг
На лоно мое,

И всяко меня
Ублажали.

И вот доски
В тереме моем златоверхом —
Уже без князька;
И вот уже с вечера
На целую ночь:

Сизо — бурые
Взгряли враны,
Там, на болотине,
Внизу у поречья,
И были в ущельи,
И понеслись —

К синему морю".
И говорили
Князю бояре:

Уже, княже,

Кручина
Ум полонила:
Это два сокола
Отлетели от злата стола
Отцовского —
Града Тмутараканя
Себе поискать,
А либо шеломом
Дону испить.

Уже соколиные крылья

Поганскими саблями
К земли припешили,
Да и самих их опутали
В путы железные.

И было тёмно в тот день.
Два солнца померкли,

И оба столпа багряные погасли,
А с ним,

С Игорем — князем,
И два молодых его месяца —

Святослав и Олег —
Тьмою заволоклись.

Так на реке на Каяле
Тьма свет покрыла,
И по Русской земле
Раскинулись половцы,
Как пардусов стая,
И затопили,
Как морем, ее,
И буйство поганых тех
Возросло еще боле.

Уже бесчестие
Славу сменило,
Уже насела
Неволя на волю,
Уже низвергся
На — землю Див,
А готские красные девы
Воспели на бреге
Синего моря,
Русским золотом звеня;
Седую поют старину,
Славят месть Шаруканову.

А мы — то, дружина,

По веселию мы —
Стосковались".
Злато слово Святослава,
призывы к
единению князей

И великий Святослав тогда
Изронил злато слово,
Со слезами смешанное,
И сказал:

О МОИ СЫНОВЦЫ

—
Игорь и Всеволод!
Рано вы начали
Половецкую землю
Мечами дразнить,
А себе славы искать.
Но неславной была
Ваша встреча,
Неславно

И кровь их пролили
Поганую.
Пусть сердца ваши храбрые
Твердым булатом окованы,
А закалены отвагою,
Да то ли вы сотворили
Серебряной моей седине?

А уж не вижу я
Мощи сильного и богатого
Брата моего Ярослава
С его множеством воинов:
С боярами черниговскими,
Со знатью, да и с горцами,
И с шатунами, с бродягами,
И с крикунами,

Да с их атаманами:
Эти — то и без щитов,
С ножами за голенищами,
Криком полки побеждают,
Звоня в прадедову славу.

А вы сказали:
Мужаемся сами!

Грядущую славу
Одни мы похитим,
А прошедшую славу
Одни мы поделим!

А что,

Уж такое ли, братия, диво:
Старому да помолодеть?
Коли сокол линяет,
Птиц высоко взбивает,
Не даст гнезда своего в обиду!
Да вот зло:
Князи мне не помога...

Плачевно года обернулись:
У Римова вот —
Под саблями кричат
Половецкими,
А Володимир
Под ранами...
Кручина — тоска
Сыну Глебову!

О великий князь
Всеволод!
А не мыслишь ли ты
Прилететь издалеча —
Отчий злат — престол

Поберечь?..
А ведь можешь ты Волгу
Вёслами всю раскропить,
Дон шеломами
Вычерпать!
Коли был бы ты тут,

По полтине была бы —
Рабыня

А раб и всего —
Четвертак!

Ты же можешь и посуху
Живыми стрелять
Самострелами,
Удалыми сынами
Глебовыми!

Ты, буй — Рюрик,

И ты, Давид!
Не у вас ли шеломы золоченые
По крови плавали?
Не у вас ли дружина храбрая
Рыкает, как туры, израненные
Саблями булатными
На поле неизвестном?

Так вступите же, князи,
Во злат стремя:

За обиду нашего времени —
За землю Русскую,
За раны Игоревы —

Храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты

На престоле своем
Златокованном,
Горы подпер Угорские
Своими полками,
В железо одетыми,
Заградив путь королю,
Затворив Дунаю ворота,
Перекидывая громады войск
Через облаки,
Суды до Дуная рядя.

Грозы твои по землям текут:
Отворяешь врата Киеву,
Стреляешь
Со злата — стола отчего
Султанов за землями...

Стреляй Кончака, господине,

Поганого кощя стреляй —
За землю Русскую,
За раны Игоревы —

Храброго Святославича!

А ты, буй — Роман,
И ты, Мстислав!

Мысль ваша храбрая
Влечет ум на подвиги,
И высоко вы плаваете
На битве в отваге своей —
Будто соколы:
На ветрах ширяся,

Птицу в буйстве ее
Норовя одолеть!

Ибо есть у вас воины
С наплывами железными
Под шеломами
Латынскими:
Треснула земля от них,

И многие страны поганые,
И Хинова
И Литва,
И Ятвяги,
И Деремела,
И Половцы

Копия повергли свои,
А главы свои преклонили
Под мечи те булатные...".

Но уже, княже,

Померкнул для Игоря
Солнечный свет,
А древо листву обронило
Не по доброй воле своей:
По Роси — реке,
По Суле — реке —
Города поделили,

А Игорева храброго полку
Не воскресить!

Дон тебя, княже, кличет
И зовет князей

На победу:
А доселе

Ведь только Ольговичи,

Храбрые князи, —
Доспели на брань...

Ингвар
И Всеволод,
И все вы —
Трое Мстиславичей,

Не плохого гнезда
Шестикрыльцы!
Не в боях вы грады поделили,
Так к чему же златы — шлемы ваши,
И щиты,
И копия из Польши?

Заградите степные ворота

Острыми стрелами —
За землю Русскую,
За раны Игоревы —

Храброго Святославича!".
Печальная песнь о
княжьих раздорах

Уже и Сула — река не течет
Струями серебряными
К городу Переяславлю;
И болотом Двина течет
К полочанам тем грозным —
Под кликом поганых!

Лишь один Изяслав,
Сын Васильков,
Острым мечом своим
Позвонил
О шеломы литовские,
Славу тем притрепав

Своему деду Всеславу,
Но и сам под багряным щитом
На кровавой траве
Мечами литовскими
Притрепан был.
И, на смертном одре возлежа,
Так говорил:

Княже!

А дружину твою
Крылья птиц приодели!
А кровь ее
Зверь полизал!".
Не было братьев тут —
Ни Брячислава,

Ни другого Всеслава:
Один —

Из храброго тела
Через ожерелье золотое
Жемчужную душу
Он изронил.

Голоса приуныли,
Поникло веселье,
Трубы трубят
Городенские...

О Ярослав

И все внуки Всеслава!
Приспустите знамена свои,
В землю вонзите мечи
Притупившиеся,
Ибо уж выпали вы
Из дедовской славы;

Ибо своими крамолами
Начали вы наводить
Поганых
На Русскую землю,
На достоянье Всеславово:
Из — за ваших раздоров
И было насилие
От земли Половецкой!

На седьмом веке Троянском
Метал Всеслав жребий
О девице ему любой,
И, клюкою согнувшись,
Оперся о коня,
И скакал
К граду Киеву,
И доткнулся древком копья
До злата — стола
Киевского,
И потом отсель
Лютым зверем скакал;
В полночь из Белграда
В синем тумане повис;
На утро ж,
Ударив секирами,
Отворил врата
В Новегороде,
Славу Ярославу
Расшиб;
До Немиги с Дудуток
Волком скакал...

А на Немиге
Снопы стелют

Головами,
Молотят цепами
Булатными,

Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
И кровавые берега
Немиги той
Не добром были посеяны:
Костями посеяны
Русских сынов!

Всеслав — князь
Людей судил,
Князьям города рядил,
А сам в ночи
Волком рыскал;
Из Киева дорыскивал
В Тмутаракань —
До петухов:
Великому Хорсу
Волком
Путь перерыскивал.
А тому Всеславу
Позвонят в Полоцке
Заутреню раннюю
У святые Софии
В колоколы,

А он уже слышит
Звон в Киеве.

Хоть и была прозорлива душа
В теле отважном,

Но часто страдал он
От бед.

И князю тому
Вещий, мудрый Боян
Впервые такую
Припевку сказал:

Ни хитрому,

Ни гораздому,
Ни по птице гораздому
Суда божия не миновать!".

О, стонать Русской земле,
Вспоминая начальные леты
И первых князей!

Того ли старого Владимира
Нельзя пригвоздить было
К горам киевским!
И вот стяги ныне его
Стали Рюриковыми,
А другие — Давыдовыми;
Но врозь развеваются
Их бунчуки!
Плач Ярославны

Не копыя поют на Дунае, —
То слышен мне глас Ярославны:
Кукушкой неузнанной рано
Кукует она:

Полечу я

кукушкой,
Говорит, по Дунаю,

Омочу рукав я бобровый
Во Каяле — реке,
Оботру я князю
Раны кровавые
На застывающем
Теле его...".

Ярославна рано плачет,

На Путивльской стене
Причитая:

О ветер —

ветрило!
К чему, господине,
Веешь насильем?
Стрелы поганские
На крылах своих мирных
На воинство милого
Гонишь — к чему?
Тебе не довольно ли было б
Высоко под облаком веять
Да на синем море
Колыхать корабли?
К чему, господине,

По ковылю ты развеял
Веселье мое?".

Ярославна рано плачет,

Во Путивле — городе,
На стене причитая:

О Днепр ты

Славутич!
Каменные горы пробил ты
Сквозь Половецкую землю

И на себе колыхал ты
Лады Святославовы
До стана Кобякова;
Прилелей на волнах, господине,
Моего ладу ко мне,
Чтобы не слала к нему я
Ранней зарею
Слезы на море".

Ярославна рано плачет,

На Путивльской стене,
Причитая:

О светлое,

Трижды светлое
Солнце!

Тепло и отрадно ты всем!
Так к чему ж, господине,
На воинство милого

Свой луч простираешь
Горячий?

В поле безводном
Жаждой им луки стянуло,
Колчаны кручиной свело...".
Бегство Игоря
и погоня Кончака

Вздыбилось море в полночь;
Идут смерчи мглами;
Игорю — князю
Бог путь кажет
Из земли Половецкой

На Русскую землю —
К отчему злату — столу.

Погасли вечерние зори.
Игорь спит —
Игорь не спит;

Игорь в мыслях своих
Мерит поля

От великого Дону
До мала Донца.

Конь готов к полуночи —
Свистнул Овлур за рекой:
Князю велит разуместь!
Князя Игоря нет...

Крикнул тогда,
И от клича того —
Земля задрожала,
Зашумела трава,
Зашатались шатры половецкие.

А Игорь — князь

Поскакал к тростнику
Горностаем,
Белым гоголем — на воду;
Кинулся на борза коня
И спрыгнул с него
Серым волком;
И понесся к лугам Донца.
И соколом полетел
Под туманами,

Избивая гусей — лебедей
К завтраку,
И обеду,
И ужину.

А как Игорь соколом полетит,

Так Овлур волком бежит,
Отрясая собою
Студеную росу;

Надорвали они
Борзых коней своих!

И Донец сказал:

Игорь — князь!

Немало хвалы тебе,
А Кончаку огорчения,
А Русской земле веселия!".

Игорь сказал:

О Донец!

И тебе немало хвалы:
Тебе,
Что лелеял
Князя на волнах;
Стлал ему
Зелену траву
На серебряных берегах своих;
Одевал его
Теплыми туманами
Под сению зелена — древа;
Стерег его —
Гоголем на воде,
Чайками на струях,
Чернетью на ветрах.

Не такова — то, сказал,
Стугна — река:

Беспокойные струи имея,
Пожравши чужие ручьи,

И струги растирает она
По кустам;

Так и юноше — князю она —
Ростиславу —
Днепр затворила,
И на темном ее берегу
Плачется мать Ростиславова

По юноше — князе,
По Ростиславу,

И от жалости
Приуныли цветы,
И древо с кручиною

К земле приклонилось".

То не сороки застрекотали —

Едут по следу Игореву
Гза и Кончак.

И враны тогда не граяли,
И галки примолкли,
И сороки не стрекотали,
И поползни
Ползали только.
Только дятлы одни,

По ракитнику ползая,
Носом долбя,

Путь к реке кажут,
Да соловьи —
Веселыми песнями
Свет возглашают.

Молвит Кончаку Гза:

Ежели сокол

Ко гнезду летит,
Так расстрелим
Соколича
Стрелами своими
Золочеными!".

И говорит Кончак Гзе:

Ну ежели сокол

ко гнезду летит,

Так мы сокольца опутаем
Красною девицей".

И говорит Кончаку Гза:

А ежели его мы

опутаем
Красною девицей,
Так не будет нам
Ни сокольца,
Ни девицы красной нам,
Да почнут еще наших птиц

На — поле половецком
Бить!".
Заключительная "Слава"
участникам похода:
князьям и дружине

Молвил так Боян
О битвах Святославовых —
Песнотворец давнего времени,

Княжнего —
Ярославова, Олегова:

Хоть и тяжело

тебе,
Голова, без плеч,

Но и зло же телу, тебе,
Без головы" —

Русской Земле
Без Игоря!

Солнце светится
На небе,

Игорь — князь
На Русской Земле!

Как девицы поют
На Дунае,
Да как вьются их голоса
Через море до Киева!
По Боричеву
Игорь едет
Ко святой богородице
Пирогощей;
Страны рады!
Грады веселы!

Песню пропевши
Старым князям,
Споем и молодым:

Слава —

Игорю Святославичу,
Буй — тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Здравие —

Князям с дружиной,
В будущих битвах
За христиан
С полками погаными!

Князям
Слава;
А дружине
Воистину
Слава!".